

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ЕКАТЕРИНБУРГА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Екатерина Васильевна Зайцева¹

Ирина Борисовна Бритвина²

Полина Андреевна Шумилова³

^{1, 2, 3} Институт экономики и управления
Уральского федерального университета,
Екатеринбург, Россия

¹ e.v.zaitceva@urfu.ru,
ORCID 0000-0003-2112-3029

² irina.britvina@urfu.ru,
ORCID 0000-0003-2862-4408

³ polina.shumilova@urfu.ru,
ORCID 0000-0001-8899-8546

Для цитирования: Зайцева Е. В., Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Миграционные установки студенческой молодёжи Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 3. С. 128–154. DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7. EDN MZKJXU.

Аннотация. В статье анализируются миграционные установки и намерения студентов Екатеринбурга в условиях социально-экономической неопределённости. Теоретическим фундаментом исследования выступают концепции «общества риска» У. Бека, прекаризации Г. Стэндинга и рискологическая концепция Ю. А. Зубок, обосновывающая индивидуализацию ответственности молодёжи за жизненный старт. Цель работы заключается в выявлении связи между миграционными интенциями студентов и их субъективной оценкой перспектив самореализации в России. Эмпирическую базу составили результаты опроса студентов шести крупнейших вузов города ($n = 1\,188$), проведённого методом анкетирования на бумажных носителях. Данные обработаны в программе «Вортекс» с применением методов одномерного и двумерного статистического анализа (критерий χ^2 Пирсона), а также качественного анализа ответов на открытые вопросы. Результаты исследования показали, что 62,4% студентов выражают намерение остаться в Екатеринбурге – месте обучения, рассматривая его как «стабилизирующий хаб». Установлено, что накопленный образовательный капитал выступает значимой детерминантой оседлости: магистранты более интегрированы в локальный рынок труда. Ключевым удерживающим фактором является социальный капитал (77%), в то время как основными выталкивающими силами выступают поиск высокой оплаты труда за рубежом (45,3%), негативная оценка экономической ситуации и геополитическая нестабильность. Аргументировано,

что зафиксированное замораживание жизненных проектов из-за недоступности жилья (79%) обусловлено не только материальными барьерами, но и ростом запроса молодёжи на жизненную автономию и независимость от родительской семьи. Выявленный интерес к поддержке науки и образования интерпретируется как отражение актуального публичного дискурса и высокой институциональной включённости респондентов.

Ключевые слова: миграционные установки, миграционные намерения, студенческая молодёжь, общество риска, индивидуализация ответственности, социально-экономическая неопределённость, социальный капитал, Екатеринбург

Введение

В условиях глобальной трансформации социальных институтов и социально-экономической турбулентности проблема миграции студенческой молодёжи приобретает качественно иное измерение. В парадигме «общества риска» У. Бека процесс завершения образования становится критической точкой биографической навигации. Миграционные установки и намерения трансформируются из классической модели максимизации дохода в сложную биографическую стратегию навигации, направленную на поиск экзистенциальной безопасности и компенсацию рисков прекаризации.

Екатеринбург, являясь крупнейшим научно-образовательным и промышленным центром Уральского федерального округа, выступает в данном контексте как амбивалентное пространство. С одной стороны, город обладает мощным потенциалом притяжения человеческого капитала, выступая «стабилизирующим хабом» для молодёжи. С другой стороны, региональный центр сталкивается с угрозой «утечки мозгов» наиболее квалифицированных кадров, ориентированных на глобальные рынки труда.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как субъективное восприятие неопределённости будущего и оценка состояния институционального фундамента – сферы науки и образования – трансформируют традиционные миграционные паттерны. Целью работы является изучение миграционных намерений выпускников вузов г. Екатеринбурга и выявление их связи с оценкой перспектив самореализации и социально-экономической стабильности в России. В статье исследуются гипотезы о влиянии уровня накопленного человеческого капитала на склонность к оседлости, а также анализируется гендерная специфика факторов удержания и выталкивания в контексте поиска молодёжью «жизнестойких» пространств для реализации своих жизненных проектов.

Методология, методы сбора и анализа эмпирических данных

Для реализации поставленных задач в работе был использован интегративный подход, сочетающий макросоциологические теории системных рисков

с микросоциологическим анализом рационального выбора и жизненных траекторий. Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения теории «общества риска» У. Бека и концепция прекаризации Г. Стэндинга, позволяющие рассматривать миграцию как инструмент управления персональными рисками в условиях институциональной нестабильности. Анализ факторов мобильности опирается на классическую модель «Push-Pull» детерминант Э. Ли, дополненную теорией человеческого капитала Г. Беккера, что позволило интерпретировать образовательный статус выпускника как «ликвидный актив» в условиях глобальной конкуренции.

Для обеспечения валидности выводов в работе проведено терминологическое разграничение ключевых понятий. Под миграционной установкой (аттитюдом) понимается эмоционально-оценочное отношение студента к возможности переезда, сформированное под влиянием внешней среды и личных ценностей. Миграционное намерение (интенция) рассматривается как субъективно оцениваемая вероятность и декларация готовности сменить место жительства в обозримом будущем. В отличие от них, миграционный план предполагает наличие конкретной операциональной стратегии – определённых сроков, выбранного места назначения и последовательности действий. В связи с тем, что в условиях социально-экономической неопределённости горизонт планирования молодёжи сужен, в данной статье акцент сделан на анализе миграционных установок и намерений как индикаторов потенциальной мобильности.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса, проведённого авторами в 2025 году среди студенческой молодёжи г. Екатеринбурга. Сбор первичной информации осуществлялся методом анкетирования на бумажных носителях, что позволило обеспечить высокую степень контроля за заполнением инструментария и минимизировать процент выпадающих ответов. Общий объём выборочной совокупности составил $n = 1\,188$ человек. Применена квотная выборка, репрезентирующая структуру студенчества по уровню обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура) и профилю подготовки. Опрос охватил шесть крупнейших вузов¹. Данная методическая стратегия обеспечила анализ данных, позволив соотнести объективные показатели институциональной среды с субъективными горизонтами ожиданий студентов.

В качестве независимых переменных (предикторов) выступили: институциональный статус: бакалавриат, специалитет, магистратура; пол. Зависимые переменные включали: миграционные намерения; факторы выталкивания и удержания (дихотомические шкалы, сформированные на основе номинальных переменных с множественным выбором).

¹ В исследовании приняли участие студенты следующих образовательных организаций: Уральский федеральный университет (УрФУ), Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ), Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС).

Для перевода первичных данных в аналитический формат была проведена процедура укрупнения и группировки в сводные аналитические матрицы. Процесс включал три этапа:

- формирование базы данных: ввод данных с бумажных носителей в электронный массив;
- тематическая кластеризация: на основе качественного анализа ответов на открытые вопросы (позиция «другое») и семантической близости отдельных индикаторов была проведена перекодировка первичных переменных в укрупнённые категории (кластеры). Так, первичные показатели «коррупция», «нестабильность» и «отсутствие правовых гарантий» были объединены в аналитическую матрицу «Факторы институционально-политического риска». Аналогичным образом была сформирована структура таблицы 1;
- вычисление частотных распределений по укрупнённым группам по признакам пола и уровня обучения.

Статистическая обработка данных выполнена в программе «Вортекс» (Vortex 10). Для выявления статистически значимых различий между группами и проверки гипотез о связи образования с миграционными установками использовался критерий Хи-квадрат (χ^2) Пирсона. Уровень значимости связи установлен на отметке $p < 0,05$, что подтверждает неслучайный характер выявленных различий в намерениях выпускников. Качественные данные открытых вопросов использовались для конкретизации и детализации количественных показателей.

Использованная процедура укрупнения первичных данных и их группировка в сводные аналитические матрицы позволили рассмотреть миграционные интенции не как изолированные реакции, а как комплексные стратегии, детерминированные одновременно институциональными (уровень обучения) и социально-демографическими (пол) факторами¹.

Обзор литературы

В современной социологической науке миграция молодёжи интерпретируется не просто как механическое перемещение рабочей силы, а как сложный процесс конструирования персональной идентичности и биографического проектирования в условиях радикальной трансформации социальных институтов.

Социально-экономическая неопределённость: рамки «общества риска» и прекаризации. Главной аналитической категорией исследования выступает социально-экономическая неопределённость, которая в фундаментальных работах У. Бека и Э. Гидденса рассматривается как имманентное свойство

¹ Здесь и далее под миграционные намерения (интенции) операционализируются на основе ответов респондентов на блок вопросов: «Планируете ли Вы после учёбы устроиться на работу в городе, где окончите вуз?», «Планируете ли Вы работать в другом городе России или в другой стране?» и «В какой стране вы планируете работать, когда окончите вуз?».

«второй модерности». Согласно теоретической модели У. Бека, современное общество совершает переход от индустриальной логики распределения богатства к логике распределения рисков, которые становятся самопроизводящимися результатами техноэкономических решений [1; 2]. В условиях рефлексивной модернизации риск перестаёт быть внешней угрозой и превращается в «производимую неопределённость», за которую несут ответственность социальные и политические институты [3, с. 178]. Для выпускника вуза вступление в трудовую жизнь в этой парадигме означает разрушение традиционных линейных траекторий «обучение – гарантированное трудоустройство – карьерный рост». Институционализированная индивидуализация переносит ответственность за системные сбои на выпускника, порождая феномен «организованной безответственности» [4, с. 320; 5, с. 44].

Важным теоретическим расширением данной проблемы в контексте российского студенчества выступает рискологическая концепция Ю. А. Зубок. Исследователь обосновывает, что в условиях транзитивного общества риск становится имманентным свойством процесса социальной интеграции молодёжи. Ключевым аспектом здесь является радикальная индивидуализация ответственности молодого человека за собственные жизненные выборы [6]. В ситуации, когда социальные институты (государство, система образования, рынок труда) утрачивают функцию гарантов стабильности, бремя преодоления системных рисков полностью ложится на плечи индивида. Согласно концепции, молодёжь вынуждена самостоятельно конструировать стратегии безопасности, опираясь на доступные ресурсы. Это положение имеет принципиальное значение для интерпретации наших эмпирических данных: миграционная установка (или отказ от неё) рассматривается выпускником не только как смена локации, а как способ управления персональными рисками. В условиях, когда личная ответственность за успех жизненного старта максимальна, а институциональная поддержка (например, в жилищной сфере) минимальна, замораживание брачно-семейных проектов и профессиональная мобильность становятся рациональными способами саморегуляции и самозащиты молодёжи в пространстве риска.

Ситуация усугубляется процессом прекаризации, который в контексте «общества риска» проявляется через разрушение традиционных параметров индустриального труда. Растворение якорей в виде устойчивых классов и семейных ролей приводит к тому, что выпускник оказывается в эпицентре борьбы с неопределённостью. Миграционные установки и намерения в этих условиях трансформируются из рационального акта выбора оптимальной точки приложения труда в сложную биографическую стратегию минимизации рисков. Как подчёркивают исследователи, высокая степень осознанности рисков и «хроническое беспокойство о будущем» становятся определяющими факторами поведения [5, с. 42; 7, с. 142]. В результате молодой специалист вынужден оценивать город будущего трудоустройства не только по уровню потенциальной заработной платы, но и через призму «жизнестойкости» пространства. Выбор локации становится попыткой найти «убежище» в условиях, когда

традиционные системы социальной защиты утрачивают надёжность, а сама реальность воспринимается через дихотомию «безопасность/опасность» [3, с. 175]. Таким образом, миграционные намерения будущих выпускников вузов отражают попытку конструирования личной безопасности в мире, где неопределённость становится «горизонтом ожиданий» [7, с. 143]. Согласно работам уральской социологической школы, ситуация окончания учебного заведения является для выпускника точкой бифуркации, в которой пересекаются выборы места жительства, карьерных планов и семейно-брачных отношений [8, с. 69]. Социально-экономическая неопределённость будущего в данном контексте выступает как катализатор: она либо заставляет молодёжь «замирать» и оставаться в привычной среде (стратегия выживания), либо провоцирует на риск переезда в поисках более устойчивых социальных систем (стратегия развития) [8, с. 85].

Теория человеческого капитала и рациональный выбор. Классическая экономическая социология рассматривает миграцию как форму инвестиций в человеческий капитал. В рамках этой парадигмы выпускник вуза выступает как рациональный агент, стремящийся максимизировать отдачу от своих знаний, навыков и способностей [9, с. 15; 10, с. 30]. Однако в условиях современной социально-экономической неопределённости концепция «рационального выбора» претерпевает существенную трансформацию: человеческий капитал начинает трактоваться не только как экономический актив, но и как многовекторная социокультурная категория, включающая интеллектуальную, психофизиологическую и цифровую составляющие [10, с. 31; 11, с. 94]. Как отмечают исследователи, в ситуации неопределённости выпускники стремятся в мегаполисы не только ради конкретного рабочего места, но и ради накопления социального и символического капиталов [10, с. 31]. Город работы выбирается как площадка, предоставляющая доступ к развитым образовательным и культурным сетям, что в долгосрочной перспективе страхует индивида от потери профессиональной актуальности [12, с. 36]. Важным дополнением к теории человеческого капитала в контексте миграции является признание того, что решение о переезде зачастую перестаёт быть индивидуальным. Исследования в регионах ресурсного типа (например, в Кузбассе) показывают, что переход «школа–вуз» рассматривается как судьбоносный момент для всего домохозяйства. Образовательная миграция становится частью долгосрочной семейной стратегии мобильности, направленной на «негативную селекцию» – вымывание наиболее талантливых выпускников из ресурсных регионов в пользу центров с более высоким качеством жизни и институциональным престижем [11, с. 92, 104]. Таким образом, в условиях неопределённости будущего инвестиции в миграцию направлены на поиск среды, способной обеспечить сохранность и прирост «запасов человеческого капитала» [13, с. 20]. Выбор города работы становится актом биографического проектирования, где доступ к инфраструктуре и социальным лифтам мегаполиса выступает гарантом экзистенциальной безопасности молодого специалиста.

Модель «Push-Pull» факторов в региональном контексте. Классическая теоретическая конструкция Э. Ли, постулирующая дихотомию выталкивающих (push) и притягивающих (pull) факторов, в современных условиях требует реконцептуализации. В рамках нашего исследования миграция рассматривается не как механическое перемещение, а как результат сложного взаимодействия структурных детерминант и индивидуальной мотильности (motility) – способности индивида к перемещению в социальном и географическом пространстве [14]. Для крупного регионального центра, такого как Екатеринбург, характерна амбивалентность: город одновременно выступает мощным аттрактором для мигрантов из периферии Уральского федерального округа и точкой выталкивания для наиболее амбициозных выпускников, ориентированных на глобальные рынки труда.

Детерминанты «выталкивания» в условиях системной нестабильности. Ключевыми выталкивающими факторами в российском контексте остаются стагнация локальных рынков труда и наличие «стеклянного потолка» для молодых специалистов, не обладающих значительным социальным капиталом или протекцией [15]. Однако в условиях неопределённости эти факторы дополняются экзистенциальными рисками. Для «цифрового поколения» выпускников критически значимыми становятся не только текущие показатели (низкая оплата труда), но и отсутствие долгосрочных перспектив карьерного роста [16]. В контексте теории Э. Ли выталкивание усиливается за счёт негативной оценки будущего развития региона. Если выпускник оценивает текущую ситуацию как нестабильную, а институциональную среду как коррумпированную, его мотивация к миграции возрастает экспоненциально [17]. При этом важную роль играет фактор информированности: студенты, не имеющие чёткого представления о местах трудоустройства в своём регионе, в два раза чаще демонстрируют установки на трудовую миграцию, воспринимая домашний регион как пространство ограниченных возможностей [16].

Факторы притяжения мегаполиса. Притягивающие факторы мегаполиса традиционно делятся на экономические и неэкономические. С одной стороны, согласно неоклассической модели, миграция – это реакция на разрыв в уровнях доходов и ВВП на душу населения между регионами [18]. С другой стороны, в ситуации неопределённости на первый план выходят факторы «мягкой силы». Мегаполис обеспечивает анонимность и свободу социальных лифтов – возможность реализации талантов вне зависимости от первичных социальных связей; развитую инфраструктуру и досуговые практики, что критически важно для молодёжи, ориентированной на постматериалистические ценности и качество жизни; эффект «интервенирующих возможностей» (согласно модели С. Стоуффера, объём миграции определяется не только расстоянием, но и количеством доступных возможностей в пункте назначения) [17].

Интеллектуальная миграция студентов. Особое место в системе «Push-Pull» занимает образовательная миграция. Как показывают данные зарубежных авторов, решение о миграции или возвращении (в случае возвратной

миграции) существенно коррелирует с академической успеваемостью (GPA)¹, финансовым положением семьи и субъективной оценкой будущего страны [19]. В российском контексте наблюдается «западный дрейф» – устойчивое стремление человеческого капитала перемещаться в сторону более развитых институциональных систем. Мы предполагаем, что социально-экономическая изменчивость выступает катализатором, усиливающим действие общенациональных выталкивающих факторов. В этой ситуации локальные преимущества Екатеринбурга могут вступать в противоречие с глобальными рисками, заставляя выпускников выбирать стратегии внешней миграции или переезда в федеральные центры (Москву, Санкт-Петербург) как более устойчивые «убежища» в условиях штормовой экономики.

Концепция жизненных траекторий и субъективное благополучие.

Концепция жизненного пути, развитая в работе Г. Элдера и М. Джонсон позволяет рассматривать миграционные установки и намерения как элемент «биографического проектирования» в условиях взаимодействия личностных и институциональных факторов [20, с. 49]. В. Хайнц и Х. Крюгер подчёркивают, что в условиях ускоряющихся социальных трансформаций биографии выпускников теряют жёсткую структурную укоренённость, превращаясь в объект активного «биографического планирования» [21]. Ключевым аспектом здесь выступает сопряжение профессионального выбора с репродуктивными установками через призму принципа «связанных жизней» [22, с. 28]. В ситуации неопределённости миграция становится инструментом реализации субъектности для достижения «стандартов взрослости» – автономии и жилья. Однако стремление к мобильности часто ограничивается потребностью в сохранении психологического комфорта и сетевой поддержки родительской семьи, выступающей мощным якорем в кризисные периоды.

От парадигмы материализма к экзистенциальной безопасности.

Трансформация миграционных установок выпускников вузов отражает фундаментальный ценностный сдвиг от парадигмы выживания к стратегии благополучия, концептуализированный Р. Инглхартom [23]. В условиях неопределённости материальные факторы утрачивают роль доминирующего драйвера мобильности, уступая место постматериалистическим приоритетам. Для поколения Z критическую значимость приобретают параметры «экзистенциальной безопасности»: психологический комфорт, социальная устойчивость и возможность реализации «work-life balance». Выпускник выбирает городскую среду как пространство, минимизирующее экзистенциальную тревогу и обеспечивающее субъективное благополучие, даже при условии снижения потенциальных финансовых амбиций. Таким образом, миграция становится инструментом конструирования защищённого жизненного пути в «обществе риска».

¹ В российской системе образования аналогом GPA является просто «средний балл диплома» (по 5-балльной шкале). Решение о миграции коррелирует с GPA, а это значит, что чем лучше учится студент, тем выше вероятность того, что он планирует уехать (или, наоборот, вернуться, если видит перспективы дома).

Результаты исследования

Важной частью инструментария стали открытые вопросы (позиция «другое»), позволившие респондентам самостоятельно артикулировать значимые для них проблемы. Доля активных респондентов, воспользовавшихся этой опцией, составила в среднем 8,4% от общего объёма выборки (по разным блокам вопросов – от 5,2% до 12,1%). Несмотря на количественное превосходство закрытых вариантов ответа, качественный анализ открытых суждений позволил детализировать и иллюстрировать статистические показатели, выявив скрытые смысловые пласты, не предусмотренные изначальным списком индикаторов. В разделе «Результаты» приводится интерпретация как количественных данных, так и анализа смыслового содержания ответов на открытые позиции вопросов.

Институциональные и социально-демографические детерминанты миграционных установок и намерений выпускников. Распределение миграционных интенций выпускников обнаруживает значимую зависимость от их институционального статуса¹. Готовность к закреплению в локальном пространстве («планы на закрепление») нарастает по мере повышения уровня образования, достигая максимума в группе магистрантов (70,3%). Анализ миграционных намерений студентов показал, что несмотря на использование в анкете формулировки «Планируете ли вы?», ответы респондентов отражают прежде всего их субъективные интенции и готовность к закреплению в локальном пространстве, а не наличие операциональных планов с конкретными сроками реализации (см. рис. 1).

Рис. 1. Миграционные намерения выпускников различного уровня обучения и пола, %

¹ Распределение на рисунке 1 сформировано на основе агрегации ответов на вопрос: «Планируете ли Вы после учёбы устроиться на работу в городе, где окончите вуз?». Вариант «да» интерпретирован как планы на закрепление, «нет» – как миграционная установка, «не знаю» – как неопределённость.

Вопреки распространённому стереотипу о большей мобильности мужчин, наши данные показывают практически идентичные показатели готовности остаться. Статистическая значимость ($p = 0,558$) подтверждает, что пол (так же, как и возраст студентов, по нашим данным) не является фактором, разделяющим выпускников на «мигрантов» и «оседлых». Екатеринбург сохраняет ядро лояльных выпускников (более 60%); при этом магистранты выступают приоритетной целевой аудиторией программ удержания. Влияние институциональной среды вуза и уровня образования на миграционные аттитюды оказывается весомее первичных демографических характеристик.

Анализ детерминант потенциальной миграции выпускников (выталкивающие факторы, push-факторы) и связь с социально-экономической неопределённостью. Основное внимание авторами уделяется факторам нестабильности (геополитика, экономика) как главным триггерам отъезда. Для анализа массив ответов был классифицирован по шести смысловым группам (см. табл. 1)¹.

Таблица 1

Комплексная структура детерминант социально-экономического неблагополучия как факторов выталкивания респондентов разного уровня обучения и пола, доля выбора детерминанты в каждой группе, %

Факторы-дестабилизаторы	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
Экономическая дестабилизация (кризис)	68,3	69,2	61,2	68,1	67,0
Социальная неопределённость будущего	65,1	70,8	61,2	67,1	63,3
Критическая недоступность жилья	59,9	69,7	57,9	63,3	58,2
Риски безработицы	32,9	23,8	35,5	32,1	31,1
Политическая нестабильность	36,1	30,3	26,4	35,4	32,4
Дефицит государственной поддержки	16,7	17,3	24	19,6	14,5

Результаты анализа позволяют идентифицировать магистрантов как группу наиболее выраженного социального беспокойства: именно в этом сегменте зафиксированы пиковые значения восприятия неопределённости будущего (70,8%) и жилищной проблемы (69,7%). Вероятно, накопление человеческого капитала обостряет чувствительность к системным барьерам, превращая

¹ Использована формулировка вопроса «Если бы Вы приняли решение покинуть Россию, то по каким причинам? (Отметьте не более трёх вариантов ответа)», а также вопроса «Какое из социальных явлений оказывает наибольшее влияние на решение человека создать семью?».

их в триггеры выталкивания. Полученные данные показывают гендерную симметрию в экономических страхах: оценка экономического кризиса практически идентична (68,1% у женщин и 67,0% у мужчин). Однако женщины статистически значимо выше оценивают риски, связанные с недоступностью жилья (разрыв 5,1%) и неопределённостью будущего (разрыв 3,8%). Интересен высокий запрос студентов специалитета на господдержку (24% против 16,7% у бакалавров). Это может быть связано с тем, что программы специалитета часто готовят кадры для госсектора (педагоги, врачи, инженеры), где зависимость от государства выше. Синтез с открытыми ответами показателя «Политическая ситуация» (около 34% в среднем) в этой таблице подтверждается и детализируется качественным анализом.

Статистические показатели дестабилизации (см. табл. 1) находят своё содержательное наполнение и конкретизацию в результатах семантического анализа открытых ответов по позиции «другое». Выделенное семантическое ядро «безопасность и риск» позволяет иллюстрировать тренды в массиве количественных, так как в ответах бакалавров и специалистов частотно встречаются лексемы: «мобилизация», «смерть на войне», «опасно», «ядерная война». Это подтверждает, что для молодёжи выталкивание носит экзистенциальный характер. Ещё один блок – «институциональное недоверие»: респонденты указывают на «коррупцию», «кумовство», «неправовое государство» и «ограничение инфопространства». Особое место занимает критика системы образования: «образование можно использовать для подставки под пиво», «низкие зарплаты учёных». Ярким маркером экономической прекаризации выступает суждение об ипотеке: «оплата за студию обходится в полторы зарплаты инженера». Суждения респондентов свидетельствуют о том, что среди представителей этой группы молодёжи имеется мнение, что даже при наличии работы, базовые жизненные цели остаются недостижимыми.

Проведённый кросс-табуляционный анализ позволил установить статистически значимую связь между типом миграционной установки и доминирующими факторами среды. Так, для группы «потенциальных мигрантов» (тех, кто намерен уехать) ключевым фактором выталкивания выступает поиск высокой оплаты труда за рубежом (45,3%, $\chi^2 = 8,4$, $p < 0,01$), в то время как для группы «оседлых» студентов, даже в условиях негативной оценки политической ситуации, определяющими остаются локальные якоря. Такое распределение подтверждает, что выбор стратегии миграции детерминирован не только внешними рисками, но и субъективной оценкой собственной конкурентоспособности на глобальном рынке.

Данные кросс-анализа также показывают, что базовыми детерминантами, препятствующими реализации жизненных стратегий большинства выпускников, выступают экономический кризис и жилищная недоступность, причём их значимость усиливается к моменту завершения обучения в магистратуре. Анализ показывает, что женщины более чувствительны к факторам макроструктурной неопределённости (геополитика и общее состояние экономики),

в то время как мужчины чаще акцентируют внимание на институциональных дефектах (коррупция – 30,5%). Таким образом, экономическая выгода (45,3%) и политическая нестабильность (30,4%) являются главными выталкивающими силами. При этом экономические причины часто интерпретируются через невозможность долгосрочного планирования (ипотека, инфляция). Контент-анализ выявил специфику «цифрового поколения»: для выпускников критически важна свобода информации и правовая защищённость. Упоминания блокировок Роскомнадзора и отсутствия «правового государства» в открытых ответах указывают на ценностный конфликт между молодёжью и текущей институциональной средой. Высокая значимость коэффициентов ($p < 0,01$) позволяет утверждать, что выявленные различия в мотивации отъезда между группами не являются случайными и отражают реальную дифференциацию стратегий выживания в условиях неопределённости.

Факторы, удерживающие выпускников в России и Екатеринбурге (аттрактивные факторы, или «якоря»). Исследована роль социального капитала (семья, друзья) и связь уровня обучения с факторами удержания как основных стабилизаторов миграционных намерений. Анализ причин нежелания сменить место проживания респондентов разных уровней обучения показывает взаимосвязь академического статуса и длительности пребывания в образовательной среде города со структурой «якорей» (см. рис. 2)¹.

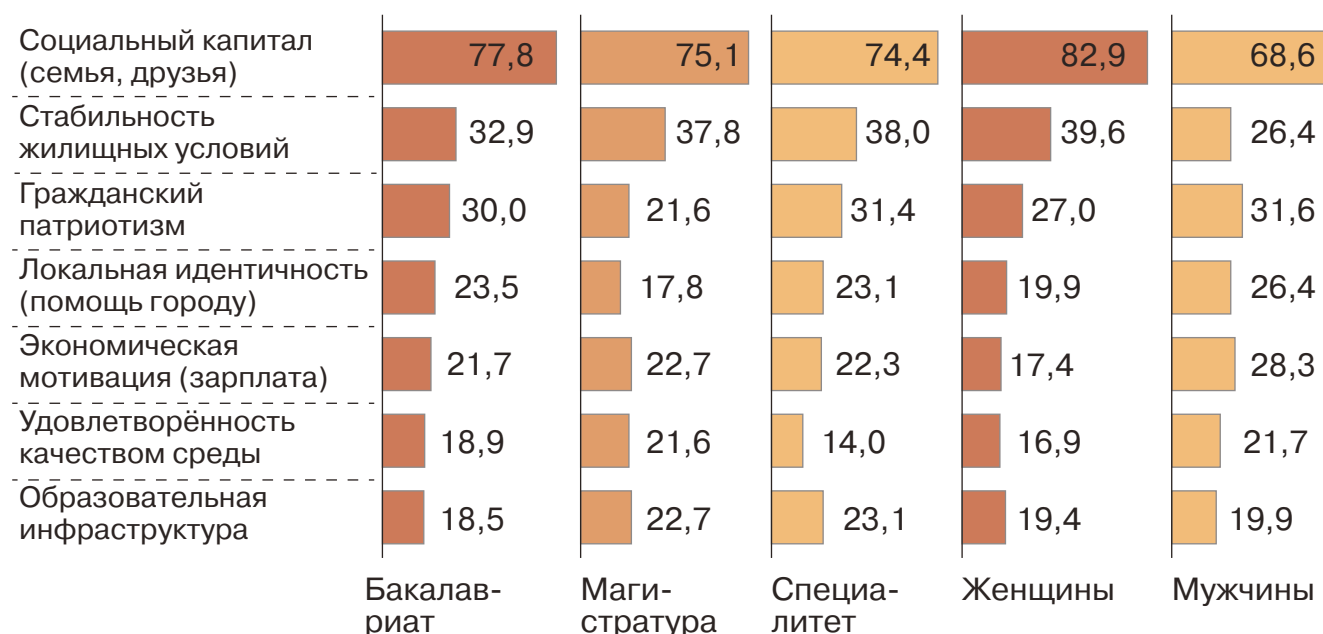

Рис. 2. Сводная структура факторов территориального укоренения («якорей») респондентов, %

Полученные данные подтверждают доминирующую роль социального капитала: для всех групп «якорем» номер один является привязанность к близкому

¹ Использована формулировка вопроса «На Ваш взгляд, каковы причины того, что Вы не хотели бы уехать из России? (Отметьте не более трёх вариантов ответа)».

окружению. Экономические факторы, такие как наличие жилья, становятся более значимыми для магистрантов и учащихся специалитета по сравнению с бакалаврами, что объясняется их более высокой возрастной и социальной зрелостью. Интересен тренд «патриотического разрыва»: магистранты демонстрируют самый низкий уровень привязанности по мотивам патриотизма (21,6%) и желания развивать город (17,8%), в то время как у бакалавров и учащихся специалитета показатели выше на 8–10%. Это может свидетельствовать о том, что высшая ступень образования формирует прагматичный, «космополитичный» взгляд на карьеру, где профессиональная реализация превалирует над идеологическими установками.

Анализ выявил значительные различия в том, как мужчины и женщины оценивают причины, по которым они готовы остаться в городе, где получают образование (см. рис. 2). Согласно полученным данным, женщины значительно сильнее привязаны к социальным «якорям» (семья, друзья); также для них критически важным является стабильность в виде решённого жилищного вопроса. Мужчины, напротив, находят стимулы остаться в профессионально-экономической плоскости: они чаще женщин указывают на наличие хорошо оплачиваемой работы как причину не уезжать; кроме того, мужчины демонстрируют более высокие показатели патриотизма и гражданской ответственности за развитие города. Таким образом, женская стратегия удержания строится на «безопасности и связях», а мужская – на «реализации и долге». Визуализация структуры «якорей» (рис. 2) подтверждает доминирование социального капитала. Привязанность к семье и дружеским сетям выступает абсолютным стабилизатором, особенно для женской части респондентов (82,9%). Примечательно наличие «патриотического разрыва» у магистрантов: минимальный уровень лояльности по мотивам гражданского долга (21,6%) указывает на формирование у интеллектуальной элиты прагматичной, космополитичной модели жизненного проектирования.

Обратимся к качественному анализу открытых ответов («другое») и возрастным характеристикам. Возрастной профиль «оседлых» выпускников (средний возраст 20,8–21,0 лет) характеризуется высокой степенью гомогенности. Однако семантический анализ ответов респондентов по позиции категории «другое» добавляет важные штрихи к составу удерживающих факторов:

- «культурно-языковая идентичность»: респонденты отмечают «родной язык», «любовь к культуре», «понятные законы» и даже мемы, что указывает на существование мягких «якорей», связанных с ментальным комфортом;
- «институциональные преимущества»: здесь упоминаются «бесплатное образование», «доступная медицина», «развитый IT-сектор» и «удобство госуслуг»;
- «барьеры миграции»: часть ответов носит вынужденный характер удержания – «нет денег на переезд», «языковой барьер», «страх перемен».

Таким образом, социальный капитал выступает главным стабилизатором: «семья и друзья» являются абсолютным лидером среди удерживающих факторов (77%). Это подтверждает тезис о том, что в условиях неопределённости молодёжь склонна замыкаться в первичных социальных группах.

Доминирование социального капитала как основного «якоря» удержания вступает в противоречие с институциональной слабостью среды. Это формирует специфический запрос молодёжи к государству как субъекту, ответственному за минимизацию системных рисков и создание условий для реализации жизненных проектов и «экзистенциальной безопасности»¹. В этом разделе фокус смещается на конструктивные требования к среде, способные трансформировать Екатеринбург и Россию в целом из пространства неопределённости в пространство развития. Для анализа массив ответов был структурирован по четырём семантическим кластерам: базовые материальные условия (доступное жильё, уровень благосостояния); развитие человеческого капитала (образование, трудоустройство, карьерные лифты); социальная защищённость и среда (здравоохранение, экология, безопасность); институционально-политические реформы (сменяемость власти, прекращение военных действий, правовое государство).

Анализ выявляет критическую значимость жилищного вопроса для всех категорий, однако у бакалавров этот запрос достигает пика (80,5%). Магистранты в большей степени ориентированы на качественные параметры социальной инфраструктуры (медицина – 56,2%), что подтверждает их переход к стратегии благополучия. Статистическая значимость указывает на то, что уровень образования жёстко дифференцирует ожидания от государства: чем выше статус, тем сложнее и многограннее становится запрос к среде. Установлена гендерная специфика ожиданий: анализ выявил различия в интенсивности запроса на социальные гарантии: женщины предъявляют более высокий запрос на материальную стабильность (жильё – 84,1%) и социальную инфраструктуру; мужчины чаще акцентируют внимание на реформе системы образования (50,2%). Это коррелирует с выводами о том, что женская стратегия укоренённости базируется на безопасности, а мужская – на инструментах профессионального роста.

Анализ приоритетных требований к городской среде (см. табл. 2) выявляет глубокое противоречие между ценностными ориентациями молодёжи и материальными условиями их реализации. Критическая значимость жилищного вопроса у женщин (84,1%) в сочетании с запросом на реформу системы образования у мужчин (50,2%) маркирует зоны институциональной слабости, провоцирующие прекаризацию жизненного старта. Мужчины чаще видят в реформе образования инструмент улучшения среды (50,2%), чем женщины (44,3%), что подтверждает их «инструментальный» подход к профессионализации.

¹ Данные получены на основе синтеза ответов на вопросы «Какие улучшения сделали бы Россию более комфортным местом для жизни?» и «В решение каких проблем, на Ваш взгляд, должно в большей степени включаться государство?».

Таблица 2

Приоритетные направления улучшения городской среды в оценках респондентов, %

Направления улучшений среды	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женщины	Мужчины
Обеспечение доступ- ным жильём	80,5	78,4	68,6	84,1	71,5
Развитие медицины и социальной сферы	46,8	56,2	53,7	51,1	45,9
Реформирование си- стемы образования	47,7	41,1	47,9	44,3	50,2
Расширение шансов на трудоустройство	39,7	23,2	34,7	39	33,2
Личная безопасность и правопорядок	33,4	29,7	29,8	33,4	31,1
Экология и качество среды	30,6	30,8	28,9	31	29,7
Механизмы карьер- ного роста/самораз- вития	27,7	21,1	30,6	37,9	32,4

Контент-анализ и семантика институционального недовольства открытых ответов позволили выделить семантические доминанты, отражающие глубинный конфликт между ожиданиями студенческой молодёжи и реальностью. Во-первых, респонденты отмечают проблему отсутствия «устойчивых демократических институтов», «политической конкуренции» и «независимых судов». Это свидетельствует о том, что для части выпускников комфорт невозможен без правовых гарантий. Во-вторых, студенты проявляют экономический прагматизм: их суждения о «стабильности курса валюты», «реальном импортозамещении» и «регуляции цен на жизнь» показывают, что инфляционные риски являются мощным дестабилизатором. Выявленный запрос на «поддержку науки и образования» как фактор привлекательности среды требует взвешенной интерпретации. Вероятно, активность респондентов в этом семантическом кластере частично обусловлена присутствием в выборке студентов педагогических специальностей, для которых данные вопросы имеют высокую профессиональную значимость. Кроме того, нельзя исключать влияние актуального публичного дискурса о технологическом суверенитете и необходимости привлечения молодых кадров в науку. В этой связи данные ответы могут интерпретироваться как отражение институциональной включённости респондентов и трансляция общественно одобряемых ценностей, нежели как аналитическое открытие.

Для выпускников вузов Екатеринбурга образовательная среда является маркером жизнеспособности всей страны. Для потенциальных студентов-мигрантов низкое финансирование и падение статуса преподавателя выступают

выталкивающими факторами для отъезда (они ищут более качественные «инкубаторы» для своих талантов). Для «лояльных» студентов развитие технических наук и инвестиции в школы – это обязательное условие, при котором они готовы связать своё будущее с Россией. Студенты воспринимают сферу образования не как услугу, а как гарантию экзистенциальной безопасности, т. е. девальвация статуса преподавателя считается ими как отсутствие у государства стратегии на будущее, что прямо конвертируется в миграционные настроения. Таким образом, запрос на доступное жильё (79%) является универсальным и доминирующим. Отсутствие эффективных механизмов решения этой проблемы государством выступает главным фактором, подрывающим якоря привязанности. Семантический анализ показал, что значительная часть выпускников связывает комфорт не с косметическими улучшениями, а с радикальной трансформацией общества.

В следующем блоке рассмотрим, как эти ожидания и страхи трансформируются в конкретные карьерные ориентации и выбор между государственным и частным секторами экономики.

Анализ профессиональных установок выпускников, их уверенности в собственной конкурентоспособности и предпочтения относительно секторов экономики. Профессиональные ориентации опрошенных студентов свидетельствуют о высокой степени рыночной адаптивности на фоне дистанцирования от государственных институтов. Характерно, что лишь 11% выпускников рассматривают госсектор как приоритетную зону занятости. Коммерческие структуры воспринимаются молодёжью города Екатеринбурга как более жизнестойкие пространства, обеспечивающие экзистенциальную безопасность в условиях «общества риска» (см. табл. 3).

Таблица 3

Профессиональные ориентации респондентов: субъективная оценка конкурентоспособности и отраслевых предпочтений, доли показателя в каждой группе, %

Показатели	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
<i>Оценка шансов на трудоустройство:</i>					
Высокая (немедленное трудоустройство)	34,6	43,2	51,2	34,1	42,6
Умеренная (потребуется некоторое время)	46,5	36,8	33,9	47,7	37,9
Низкая (длительный, сложный поиск)	13,8	15,1	7,4	13,6	13,1
Неопределённость прогноза	5,1	4,9	7,5	4,6	6,4

Окончание табл. 3

Показатели	Уровень обучения			Пол	
	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет	Женский	Мужской
<i>Предпочтительный сектор занятости:</i>					
Коммерческий сектор (частный бизнес)	46,6	39,5	39,7	45,7	43,4
Государственный сектор/бюджетная сфера	10,7	14,1	11,6	10,9	11,9
Адаптивная стратегия (любой из секторов)	34	41,6	39,6	35,1	36,7
Неопределённость выбора	8,7	4,8	9,1	8,3	8,0

Магистранты реже бакалавров выбирают «строго» частный сектор (39,5% против 46,6%), но значительно чаще демонстрируют адаптивную стратегию (41,6%). Это говорит о том, что более высокий уровень образования делает выпускника более гибким и готовым рассматривать разные ниши, хотя частный сектор всё равно остаётся в приоритете. Студенты специалитета – самые оптимистичные (51,2% из них не видят проблем с работой). Это объясняет их низкий интерес к длительным поискам и ориентацию на быстрое вхождение в рынок. Только каждый десятый выпускник осознанно выбирает государственную службу или бюджетные учреждения. Этот показатель практически не зависит от пола, что свидетельствует об универсальном характере данной установки. Несмотря на то, что магистранты немного лояльнее к госсектору (14,1%), общий показатель по всем группам крайне низок (в среднем 11–12%). Даже накопление человеческого капитала в магистратуре не компенсирует низкую привлекательность государственных институтов как работодателей.

В контексте ранее выделенного семантического кластера «Поддержка науки и образования», такой результат закономерен – девальвация статуса педагога и учёного превращает госсектор в глазах молодёжи в зону прекаризации и низкого престижа. Частный сектор воспринимается как более надёжный «инкубатор» для реализации талантов. Таким образом, мужчины более ориентированы на агрессивное вхождение в рынок труда, в то время как женщины проявляют бóльшую осторожность, что может быть связано с их ориентацией на социальные гарантии, которые в текущих условиях воспринимаются как дефицитные. Выпускники демонстрируют устойчивое нежелание связывать карьеру с государственными институтами. Это прямое следствие деградации фундамента человеческого капитала: если сфера образования и науки (государственная по преимуществу) воспринимается как стратегия проигрыша, молодёжь выбирает коммерческие структуры как пространство экзистенциальной безопасности. Повышение уровня образования

конвертируется в субъективное ощущение профессиональной устойчивости, однако не меняет общего вектора на уход из-под опеки государства. Низкая уверенность бакалавров в сочетании с их нежеланием работать в госсекторе создаёт мощный потенциал для «западного дрейфа» или внутренней миграции в федеральные центры, где рынок частного капитала более развит. Мужчины на 8,5% чаще женщин уверены в своих силах при поиске работы, однако в выборе сектора (бизнес/госсектор) гендерный разрыв практически нивелируется. Это подтверждает тезис о том, что профессиональные ценности молодёжи «цифрового поколения» становятся более универсальными. Карьерный выбор выпускника – это попытка найти «убежище» в частном бизнесе, компенсируя тем самым институциональную слабость и низкий престиж государственных структур. В следующем блоке мы увидим, как эти профессиональные страхи и амбиции проецируются на личные жизненные траектории и ценности семьи.

Сопряжение профессиональных планов выпускников с их частными жизненными целями. Создание семьи рассматривается как элемент «биографического проектирования», который в условиях социально-экономической неопределённости может выступать либо как дополнительный риск, либо как «экзистенциальное убежище». Анализ намерений создать семью в ближайшем будущем выявил наиболее сильную статистическую зависимость по гендерному признаку (см. табл. 4).

Таблица 4

Матрица жизненного проектирования: репродуктивные намерения и смысловые доминанты семьи респондентов разного уровня обучения и пола, %

Показатели и семантические кластеры	Пол		Уровень обучения		
	Женский	Мужской	Бакалавриат	Магистратура	Специалитет
<i>Установки на создание семьи:</i>					
Намерение в краткосрочной перспективе	49,7	37,1	41,7	57,8	44,6
Стратегия откладывания («пока нет»)	41,7	48,4	46,9	31,4	46,3
Неопределённость жизненных планов	8,6	14,5	11,4	10,8	9,1
<i>Смысловое значение семьи:</i>					
Психозомоциональная сфера (любовь и доверие)	70,3	76	73,2	70,3	72,7
Экзистенциальное убежище (безопасность)	18,3	5,9	13,2	15,7	9,9
Экономический союз (материальная база)	3,4	4,7	3,7	4,9	4,1
Традиционно-нормативный институт	0,2	0,2	0,2	0,5	0,3

Сумма по блоку «Смысловое значение семьи» может быть менее 100%, так как не указаны варианты «не знаю» и единственные ответы из категории «другое».

Жизненное проектирование современных студентов базируется на парадоксе «отложенной жизни». При доминирующем понимании семьи как психоэмоционального пространства (около 73%) и экзистенциального убежища значительная часть молодёжи вынуждена выбирать стратегию прокрастинации брачно-семейных планов (особенно в мужской подгруппе – 48,4%). Этот процесс детерминирован не ценностным сдвигом в сторону одиночества, а невозможностью преодоления социально-экономических барьеров. Статистически значимый разрыв в восприятии семьи как безопасности (18,3% у женщин против 5,9% у мужчин) подчёркивает поиск молодёжью компенсаторных механизмов в условиях институциональной нестабильности.

Показатели «традиционного института» (менее 1%) говорят о том, что для студентов семья утратила статус общеобязательной нормы или «ячейки общества», превратившись в сугубо приватный проект самореализации. Гендерная асимметрия жизненных стратегий проявляется в более высокой лояльности женщин региону при условии наличия мер поддержки. Для 87% респондентов семья выступает главным источником экзистенциальной устойчивости, что объясняет статус привязанности к семье как ведущего удерживающего фактора. Крайне низкий интерес к формальным атрибутам (брак, продолжение рода – менее 1%) указывает на трансформацию семьи в сторону партнёрства, основанного на взаимном доверии, а не на социальном долге. При этом установлена связь с миграцией. Высок процент тех, кто не планирует семью сейчас (44,4%), и в сочетании с требованиями к государству это говорит о том, что молодёжь «замораживает» свои жизненные проекты до момента достижения базовой безопасности.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования результаты позволяют интерпретировать миграционные намерения выпускников вузов Екатеринбурга не просто как реакцию на экономические стимулы, а как комплексную личную стратегию управления рисками в условиях высокой неопределённости.

Город как «стабилизирующий хаб» в обществе риска. Согласно теории У. Бека, в условиях «второй модерности» индивид вынужден искать локальные зоны стабильности. Тот факт, что 62,4% респондентов планируют остаться в городе, подтверждает статус Екатеринбурга как «убежища». В ситуации, когда глобальные и национальные горизонты ожиданий размыты геополитической нестабильностью (30,4% выталкивающих голосов) и инфляцией, город обучения становится пространством, где накопленный социальный капитал (семья и друзья – 77%) выступает главным гарантом экзистенциальной безопасности. Уровень образования выпускников вузов прямо коррелирует с глубиной интеграции в локальные институциональные сети. Для магистров город перестаёт

быть временной учебной локацией и превращается в площадку реализации накопленного человеческого капитала. Однако их лояльность носит прагматичный характер: низкий уровень патриотической мотивации в этой группе (21,6%) указывает на то, что при ухудшении институциональных условий этот «ликвидный капитал» может легко переориентироваться на внешние рынки.

Кризис «фундамента». Важным вектором в структуре ожиданий студентов стал семантический кластер «Поддержка науки и образования». Студенты воспринимают состояние образовательной среды как маркер жизнеспособности всей государственной системы. Девальвация статуса педагога («статус опущен ниже плинтуса») и бюрократизация вузов считаются выпускниками как проявление «организованной безответственности» институтов. В терминах Г. Стэндинга, это ведёт к прекаризации будущего специалиста – риск получения «пустого диплома», не подкреплённого реальным престижем профессии, заставляет наиболее талантливую молодёжь рассматривать миграцию как способ поиска более качественных «инкубаторов» для своих талантов. Таким образом, образовательная среда в России сегодня выступает не якорем, а скорее точкой выталкивания для интеллектуальной элиты.

Гендерная дифференциация стратегий выживания. Результаты демонстрируют классический разрыв в «биографическом проектировании». Мужчины в условиях неопределённости выбирают стратегию рыночной экспансии, ориентируясь на высокую оплату труда и карьерные лифты. Женщины демонстрируют стратегию социального укоренения, где приоритет отдаётся безопасности, доступности медицины и сохранению родственных связей. Этот разрыв подчёркивает, что в «обществе риска» нагрузка по воспроизводству социальной стабильности ложится на женщин, в то время как мужчины чаще берут на себя риски, связанные с мобильностью и поиском новых экономических ниш.

Парадокс ценностей: между любовью и ипотекой. Трансформация ценностей по Р. Инглхарту находит своё отражение в доминировании «любви» (40,2%) и «доверия» (32,4%) над «материальной стабильностью» (4%), что свидетельствует о переходе к постматериалистическим приоритетам. Семья для выпускника – это не экономический союз, а «экзистенциальное убежище». Фундаментальное противоречие между высоким запросом на семейные ценности и замораживанием репродуктивных планов обусловлено не только ценовым барьером на рынке недвижимости. Критическая недоступность жилья (79%) в оценках молодёжи тесно связана с ростом притязаний на качество жизни и психологическую автономность. В отличие от стратегий выживания предыдущих поколений, современная молодёжь в большинстве своём не рассматривает проживание в составе «расширенной семьи» на территории родителей как приемлемый вариант. Стремление к суверенности жизненного пространства делает жилищный вопрос не просто материальной проблемой, а экзистенциальным условием перехода во взрослость.

Таким образом, миграционные установки и намерения выпускников Екатеринбурга – это не просто поиск лучшей жизни, а попытка разрешить

конфликт между потребностью в экзистенциальной безопасности и институциональной слабостью среды. Город удерживает молодёжь «якорями» социального капитала, но выталкивает рисками профессиональной деградации и материальной недоступности базовых благ.

Выводы

Проведённое исследование позволило комплексно рассмотреть миграционные установки выпускников екатеринбургских вузов в контексте современной социально-экономической турбулентности. Резюмируя результаты анализа, можно констатировать, что миграционные намерения молодёжи представляют собой сложный социокультурный конструкт, детерминированный не только рациональными экономическими расчётами, но и субъективным восприятием экзистенциальной безопасности.

В ходе работы были получены следующие обобщающие выводы.

Подтверждена гипотеза о связи уровня накопленного образовательного капитала на склонность к оседлости: институциональный статус выпускника выступает значимым фактором территориального закрепления. Однако количественное доминирование стратегий оседлости (62,4%) не должно маскировать хрупкость этой лояльности. Установлено, что социальный капитал остаётся единственным безусловным «якорем», в то время как государственные институты и образовательная среда зачастую воспринимаются как факторы выталкивания. Таким образом, текущая оседлость носит скорее вынужденный, компенсаторный характер в условиях внешней неопределённости.

Выявлено фундаментальное противоречие между высоким запросом молодёжи на семейные ценности и вынужденным замораживанием репродуктивных планов. Критическая недоступность жилья (79%) выступает барьером, за которым стоят не только финансовые ограничения, но и качественный рост притязаний на психологическую автономию. Современные выпускники ориентированы на суверенность жизненного пространства и в большинстве своём не готовы к модели «расширенной семьи» (совместному проживанию с родителями). Это формирует риск превращения региона в пространство «отложенной жизни», где невозможность достижения стандартов «взрослости» трансформируется в долгосрочный миграционный потенциал.

Особое значение имеет зафиксированный кризис доверия к сфере науки и образования. Девальвация социального статуса педагога и бюрократизация вузовской среды считываются молодёжью как проявление «организованной безответственности» институтов. В терминах рискологической концепции Ю. А. Зубок, в условиях индивидуализации ответственности молодёжь рассматривает миграцию не как поиск лучшей жизни, а как стратегию спасения накопленных компетенций от прекаризации и рисков профессиональной деградации («пустого диплома»).

Выявленный запрос на поддержку науки и образования, наряду с требованиями политической стабильности, маркирует зоны наиболее острого социального беспокойства. Миграционный потенциал молодёжи Екатеринбурга подпитывается стремлением минимизировать системные риски среды, которые не могут быть компенсированы личными усилиями индивида. Следовательно, для минимизации «утечки мозгов» необходим переход от декларативных мер к реальной реабилитации престижа интеллектуального труда и созданию доступных механизмов обеспечения жилищной автономности молодёжи.

Таким образом, корректировка региональной молодёжной политики должна быть направлена на трансформацию Екатеринбурга из «стабилизирующего хаба» в пространство реализации жизненных проектов, обеспечивающее не только экзистенциальную безопасность, но и социальные лифты для наиболее квалифицированных кадров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5. С. 161–168.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.
3. Якуничев Д. А. Общество риска: возможная модель развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 174–182. DOI **10.17223/1998863X/68/17**. EDN **LHSBIK**.
4. Гаврилов К. А. От общества риска к метаморфозам мира: памяти Ульриха Бека // Социологический ежегодник 2015–2016 : сб. науч. тр. М. : РАН, ИНИОН, 2016. С. 317–330. EDN **YFWZZN**.
5. Долгов А. Ю. Жизнь в обществе риска: обзор специального выпуска Journal of Risk Research, посвящённого интеллектуальному наследию Ульриха Бека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2022. № 4. С. 37–55. DOI **10.31249/rsoc/2022.04.03**. EDN **SANKEY**.
6. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодёжи. М. : Мысль, 2007. 288 с. ISBN 978-5-244-01085-5. EDN **VJCPYE**.
7. Ланг П. П. Перспективы свободы индивида в условиях общества риска // Kant. 2022. № 4. С. 141–145. DOI **10.24923/2222-243X.2022-45.23**. EDN **NYNJDG**.
8. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждёт студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67–91. DOI **10.14515/monitoring.2022.3.2142**. EDN **IYABWU**.
9. Казакова М. В. Концепция человеческого капитала и механизмы его влияния на экономический рост. М. : РАНХиГС, 2022. 59 с. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/80585/ssoar-2022-kazakova-.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2022-kazakova-.pdf> (дата обращения: 15.06.2026).
10. Бородкин М. А. Концептуализация человеческого капитала: традиционные теории и современные подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10. С. 29–33. DOI **10.24158/spp.2024.10.3**. EDN **FUFCLW**.
11. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа / М. В. Курбатова, И. В. Донова, Е. А. Кранзеева, М. Г. Леухова // Мир России. 2022. Т. 31, № 1. С. 91–112. DOI **10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112**. EDN **ZDBHOE**.

12. Шекера Е. А. Факторы миграции молодёжи периферийного региона (на примере дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге) // *Caucasian Science Bridge*. 2024. Т. 7, № 1 (23). С. 35–56. DOI [10.18522/2658-5820.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3). EDN QIDMHH.
13. Ткаченко А. А. Человеческий капитал как национальное богатство // *Экономика. Налоги. Право*. 2022. Т. 15, № 6. С. 20–32. DOI [10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32). EDN PPTTPD.
14. Lee E. S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57. URL: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> (дата обращения: 15.06.2026).
15. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5 (159). С. 130–153. DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1619](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619). EDN KWBLKY.
16. Апенько С. Н., Лукаш А. В. Постдипломные стратегии молодёжи цифрового поколения: трудоустройство и миграция // *Вестник университета*. 2024. № 6. С. 100–111. DOI [10.26425/1816-4277-2024-6-100-111](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-100-111). EDN EIQYJY.
17. Vats R., Bhardwaj R. Genesis of Migration and its Theories // *Review Journal Philosophy & Social Science (RJPSS)*. 2022. Vol. XLVII, № 2. P. 246–254. DOI [10.31995/rjpss.2022.v47i02.029](https://doi.org/10.31995/rjpss.2022.v47i02.029). EDN GJKRGZ.
18. Экономические последствия и эффекты международной миграции рабочей силы / Е. А. Сурина, А. А. Тошпулотов, Е. А. Марилян, И. В. Матвеева // *Journal of Monetary Economics and Management*. 2025. № 4. DOI [10.26118/2782-4586.2025.23.68.048](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.23.68.048). EDN KAHWLM.
19. Student Migration: Evidence from Chinese Students in the US and China / W. Li, S. Zhao, Zh. Lu, W. Yu, X. Li // *International Migration*. 2019. Vol. 57, № 3. P. 334–353. DOI [10.1111/imig.12466](https://doi.org/10.1111/imig.12466).
20. Elder G. H., Johnson M. K. The Life Course and Aging: Challenges, Lessons, and New Directions // *Invitation to the Life Course: Towards New Understandings of Later Life*. London ; NY : Routledge, 2018. P. 49–81.
21. Heinz W. R., Krüger H. Life Course: Innovations and Challenges for Social Research // *Current Sociology*. 2001. Vol. 49, № 2. P. 29–45. DOI [10.1177/0011392101049002004](https://doi.org/10.1177/0011392101049002004). EDN JRMOT.
22. Ежов О. Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8, № 3. С. 22–33. EDN OWJPBD.
23. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Политические исследования*. 1997. № 4. С. 6–32. EDN ESCOIL.

Сведения об авторах

Е. В. Зайцева

кандидат социологических наук

доцент

SPIN-код: [8618-6729](#)

И. Б. Бритвина

доктор социологических наук

профессор

SPIN-код: [8650-6509](#)

П. А. Шумилова

кандидат социологических наук
старший преподаватель
SPIN-код: 3318-1661

Вклад авторов в подготовку публикации:

Е. В. Зайцева – 50% (формулирование идеи и общей концепции статьи, разработка логической структуры, обоснование методологических подходов к анализу результатов, анализ и интерпретация эмпирических данных, написание первого варианта текста статьи).

И. Б. Бритвина – 40% (разработка теоретических и методологических основ исследования, дизайн исследования, сбор и первичная обработка эмпирической информации, участие в редактировании и оформлении окончательного текста статьи).

П. А. Шумилова – 10% (участие в разработке инструментария для сбора данных, помощь в сборе и обработке эмпирической информации).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 16.07.2026.

Original article

DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7

YEKATERINBURG STUDENT YOUTH' MIGRATION ATTITUDES IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC UNCERTAINTY

Ekaterina Vasil'evna Zaitseva¹

Irina Borisovna Britvina²

Polina Andreevna Shumilova³

^{1, 2, 3} Institute of Economics and Management
of the Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

¹ e.v.zaitseva@urfu.ru,

ORCID 0000-0003-2112-3029

² irina.britvina@urfu.ru,

ORCID 0000-0003-2862-4408

³ polina.shumilova@urfu.ru,

ORCID 0000-0001-8899-8546

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B., Shumilova P. A. Yekaterinburg student youth' migration attitudes in the context of socio-economic uncertainty. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(3):128–154. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2026.14.3.7.

Abstract. The article analyzes the migration attitudes and intentions of university students in Yekaterinburg amidst socio-economic uncertainty. The theoretical framework is built upon U. Beck's concept of the "risk society", G. Standing's theory of "precarization", and Yu. A. Zubok's sociological concept of risk, which justifies the individualization of youth responsibility for their life starts. The study aims to identify the relationship between students'

migration intentions and their subjective assessment of self-realization prospects in Russia. The empirical data consists of survey results from students at six major city universities ($n = 1\,188$), conducted via paper-based questionnaires. The data were processed using Vortex software, applying univariate and bivariate statistical analysis (Pearson's χ^2 test) alongside qualitative analysis of open-ended responses. The findings indicate that 62.4% of students express an intention to remain in the city of their studies, perceiving it as a "stabilizing hub". It was established that accumulated educational capital serves as a significant determinant of residency: Master's students demonstrate a higher degree of integration into the local labor market. Social capital (attachment to family and friends) remains the primary retaining factor (77%), while the main "push" factors are the pursuit of high wages abroad (45.3%), negative assessments of the economic situation, and geopolitical instability. The conclusion argues that the recorded freezing of life projects due to the lack of affordable housing (79%) is driven not only by material barriers but also by an increasing demand for residential autonomy and independence from the parental family. The identified interest in supporting science and education is interpreted as a reflection of current public discourse and the respondents' high level of institutional involvement.

Keywords: migration attitudes, migration intentions, student youth, risk society, individualization of responsibility, socio-economic uncertainty, social capital, Yekaterinburg

REFERENCES

1. Beck U. From industrial society to the risk society [Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska]. *THESIS (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems)*. 1994;(5):161–168. (In Russ.).
2. Beck U. Auf dem Weg in eine andere Moderne [Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
3. Iakunichev D. A. Risk society: a possible model for the development of modern society. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022;(68):174–182. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/68/17](https://doi.org/10.17223/1998863X/68/17).
4. Gavrilov K. A. From risk society to the metamorphosis of the world: in memoriam Ulrich Beck. In: *Sociological yearbook 2015–2016: collection of scientific papers*. Moscow: RAS, INION; 2016. P. 317–330. (In Russ.).
5. Dolgov A. Yu. Living in a risk society: a review of the special issue of the Journal of risk research on Ulrich Beck's intellectual legacy. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology=Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya*. 2022;(4):37–55. (In Russ.). DOI [10.31249/rsoc/2022.04.03](https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.03).
6. Zubok Yu. A. The phenomenon of risk in sociology: Experience in youth research [Fenomen riska v sotsiologii: Opyt issledovaniya molodezhi]. Moscow: Mysl; 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-244-01085-5.
7. Lang P. P. Perspectives for individual freedom in a risk society. *Kant*. 2022;(4):141–145. (In Russ.). DOI [10.24923/2222-243X.2022-45.23](https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-45.23).
8. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. What awaits students after... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022;(3):67–91. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.3.2142](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142).
9. Kazakova M. V. Human capital concept and mechanisms of its influence on economic growth. Moscow: RANHiGS; 2022. 59 p. (In Russ.). Available at: <https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/80585/ssoar-2022-kazakova-.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2022-kazakova-.pdf> (accessed: 15.06.2026).

10. Borodkin M. A. Conceptualization of human capital: traditional theories and modern approaches. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics=Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2024;(10):29–33. (In Russ.). DOI [10.24158/spp.2024.10.3](https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.3).
11. Kurbatova M. V., Donova I. V., Kranzeeva E. A., Leukhova M. G. Educational migration in resource-extracting regions. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2022;31(1):91–112. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112).
12. Shekera E. A. Factors of migration of peripheral region youth (using example of Dagestan youth living in St. Petersburg). *Caucasian Scientific Bridge*. 2024;7(1):35–56. (In Russ.). DOI [10.18522/2658-5820.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3).
13. Tkachenko A. A. Human capital as national wealth. *Economics, Taxes & Law=Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2022;15(6):20–32. (In Russ.). DOI [10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-6-20-32).
14. Lee E. S. A theory of migration. *Demography*. 1966;3(1):47–57. Available at: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf> (accessed: 15.06.2026).
15. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. Why some people leave certain regions in favor of others: motives behind interregional migration in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020;(5):130–153. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.5.1619](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619).
16. Apenko S. N., Lukash A. V. Postgraduation strategies for youth of the digital generation: employment and migration. *Bulletin of the University=Vestnik universiteta*. 2024;(6):100–111. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2024-6-100-111](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-100-111).
17. Vats R., Bhardwaj R. Genesis of migration and its theories. *Review Journal Philosophy & Social Science (RJPSS)*. 2022;XLVII(2):246–254. DOI [10.31995/rjpss.2022.v47i02.029](https://doi.org/10.31995/rjpss.2022.v47i02.029).
18. Surina E. A., Toshpulotov A. A., Marikyan E. A., Matveeva I. V. Economic consequences and effects of international labor migration. *Journal of Monetary Economics and Management*. 2025;(4). (In Russ.). DOI [10.26118/2782-4586.2025.23.68.048](https://doi.org/10.26118/2782-4586.2025.23.68.048).
19. Li W., Zhao S., Lu Zh., Yu W., Li X. Student migration: evidence from Chinese students in the US and China. *International Migration*. 2019;57(3):334–353. DOI [10.1111/imig.12466](https://doi.org/10.1111/imig.12466).
20. Elder G. H., Johnson M. K. The life course and aging: challenges, lessons, and new directions. In: *Invitation to the life course: towards new understandings of later life*. London; NY: Routledge; 2018. P. 49–81.
21. Heinz W. R., Krüger H. Life course: Innovations and challenges for social research. *Current Sociology*. 2001;49(2):29–45. DOI [10.1177/0011392101049002004](https://doi.org/10.1177/0011392101049002004).
22. Ezhov O. Life course paradigm in western sociology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology=Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2005;8(3):22–33. (In Russ.).
23. Inglehart R. Postmodernity: changing values and changing societies [Postmodern: menyayushchiesya cennosti i izmenyayushchiesya obshchestva]. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1997;(4):6–32. (In Russ.).

Information about the authors

E. V. Zaitseva

Candidate of Sociology

Associate Professor

ResearcherID: [AAD-7875-2019](https://orcid.org/0009-0001-9020-9020)

Scopus AuthorID: [57220778399](https://orcid.org/0009-0001-9020-9020)

I. B. Britvina

Doctor of Sociology

Professor

ResearcherID: **N-9616-2013**

Scopus AuthorID: **56766050400**

P. A. Shumilova

Candidate of Sociology

Senior Lecturer

ResearcherID: **Q-1831-2016**

Contribution of the authors:

E. V. Zaitseva – 50% (formulation of the idea and general concept of the article, development of a logical structure, justification of methodological approaches to the analysis of results, analysis and interpretation of empirical data, writing the first version of the text of the article).

I. B. Britvina – 40% (development of theoretical and methodological foundations of research, research design, collection and primary processing of empirical information, participation in the editing and design of the final text of the article).

P. A. Shumilova – 10% (participation in the development of data collection tools, assistance in collecting and processing empirical information).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 16.07.2026.